

Кеннан Джордж

**Тюрьмы в России. Очерки
Джорджа Кеннана**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джордж К.**
Тюрьмы в России. Очерки Джорджа Кеннана / Кеннан Джордж – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 104 с.

ISBN 978-5-519-88860-8

ISBN 978-5-519-88860-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

изъ которыхъ я черпалъ свои наблюденія, и выводы, сдѣланные мною изъ нихъ, заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Приблизительно въ 1885 г. въ англійскихъ газетахъ возгорѣлась живая полемика между кн. Крапоткинымъ и К. В. Вильсономъ съ одной стороны и пасторомъ Генри Ланделлемъ и анонимнымъ корреспондентомъ «Pall Mall Gazette» съ другой, относительно обращенія съ политическими заключенными и условій ихъ жизни въ Петропавловской крѣпости. Входъ въ эту тюрьму мнѣ не былъ дозволенъ, почему я и не имѣю возможности говорить о ней по личнымъ впечатлѣніямъ. Мнѣ представилось, однако, достаточно случаевъ ознакомиться съ существующими тамъ порядками при совершенно необычныхъ условіяхъ. Именно, мнѣ пришлось познакомиться въ Сибири съ 50-ю ссылными, которые были заточены въ упомянутой крѣпости въ періодъ времени между 1874 г. и 1884 г. Эти ссыльные разсѣяны по всей Сибири. Многіе изъ нихъ совершенно не знакомы другъ съ другомъ, такъ что возможность предварительнаго соглашенія ихъ между собою относительно того, что они мнѣ разсказывали о режимѣ Петропавловской крѣпости, совершенно отпадаетъ. Кромѣ того, большинство изъ нихъ отличались столь высокой интеллигентностью и такимъ благороднымъ характеромъ, что были совершенно неспособны къ преднамѣренной лжи. Эти лица съ величайшей точностью обрисовали мнѣ всѣ детали ихъ тюремной жизни; просматривая свой дневникъ, я часто нахожу, что человѣкъ 6—8, живущихъ на разстояніи сотенъ и тысячъ верстъ, совершенно независимо одинъ отъ другого, давали мнѣ строго согласныя между собою свѣдѣнія о той или иной сторонѣ ихъ жизни въ крѣпости.

Съ юридической точки зрѣнія показанія ихъ, можетъ быть, не имѣютъ никакой цѣнности; но я всетаки увѣренъ, что они заслуживаютъ полнѣйшаго довѣрія, такъ какъ всѣ они согласны одно съ другимъ, и при этомъ отнюдь не доказано предумышленнаго искаженія фактовъ. Я старался, по возможности, провѣрить истинность собранныхъ мною свѣдѣній путемъ разговоровъ съ русскими адвокатами, судьями и тюремными чиновниками. Само собой понятно, что я не имѣю права оглашать имена ихъ, но могу за-

вѣрить, что это были люди, близко знакомые съ условіями тюремной жизни.

Если тѣ обстоятельства и событія, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ сочиненіи, съ точки зрѣнія правительства освѣщены не въ томъ видѣ, какой могъ бы быть желателенъ, то это зависитъ отъ того, что я во первыхъ рѣшилъ разсмотрѣть взгляды правительства на революціонеровъ болѣе подробно въ слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ, во-вторыхъ отъ того, что генераль Оржевскій, командующій отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, котораго я посѣтилъ лѣтомъ 1887 г., не согласился дать мнѣ соотвѣтственныхъ указаній и не далъ возможности лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Разрѣшеніе осмотрѣть домъ предварительнаго заключенія и Литовскій замокъ я получилъ отъ начальника тюремнаго департамента, Галкина-Враскаго. Петропавловская и Шлиссельбургская крѣпости не находились въ его вѣдѣніи, а генераль Оржевскій, котораго я просилъ дать мнѣ разрѣшеніе осмотрѣть эти тюрьмы, вѣжливо, но рѣшительно, отклонилъ мою просьбу.

Многое изъ того, что я здѣсь рассказываю, будетъ понятно для читателя лишь въ томъ случаѣ, если онъ совершенно оставитъ въ сторонѣ мысль о томъ, что управленіе русскими тюрьмами ведется по какой-либо строго опредѣленной системѣ, или что обращеніе съ заключенными основывается на какой-нибудь цѣлесообразной политикѣ. Я думаю, что ни въ одной странѣ, кромѣ Россіи, не найдется такой системы наказаній, при которой прихоть и произволъ начальства играли бы столь рѣшающую роль, при которой усмотрѣніе властей отводило бы закону очень скромную роль.

Во всей Россіи существуетъ 884 тюрьмы. По закону онѣ всѣ подчинены одному и тому же управленію и одинаковымъ законамъ и предписаніямъ, но едва ли можно найти хотя бы десять тюремъ, которыя управлялись бы одинаковымъ образомъ и по одной и той же системѣ. Представились бы даже большія затрудненія, если бы мы пожелали найти хотя бы одну тюрьму, которая въ теченіе трехъ лѣтъ подрядъ управлялась бы на одинаковыхъ началахъ. Разрѣшенное въ одной тюрьмѣ, запрещается въ другой; въ одной тюрьмѣ заключенные получаютъ пищу въ

изобилии, въ другой должны на половину голодать; здѣсь проступокъ противъ тюремныхъ правилъ карается выговоромъ, тамъ онъ влечетъ за собою тѣлесное наказаніе. Повсюду царятъ безпорядокъ и произволъ; повсюду болѣе или менѣе проявляется недостатокъ общей методы.

Причины такого положенія дѣлъ очень разнообразны; важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) внутреннія противорѣчія въ самомъ уголовномъ законѣ, почему послѣдній почти не исполняется; 2) распределеніе отвѣтственности за порядокъ въ тюрьмахъ между многими лицами и обществами, которыя ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ; 3) склонность большинства русскихъ чиновниковъ слѣдовать не велѣніямъ закона, но руководиться или собственными взглядами на цѣлесообразность того или иного режима или же вѣроятными желаніями начальства; 4) низкій уровень умственнаго развитія и нравственныхъ устоевъ, характеризующій вообще тюремныхъ чиновниковъ въ Россіи и происходящій отъ того, что за ничтожное вознагражденіе, предлагаемое имъ, нельзя найти подходящихъ людей ¹⁾).

У меня имѣется копія съ секретнаго донесенія генералъ-губернатора Анучина отъ 1881 г., въ которомъ этотъ высокопоставленный офицеръ слѣдующимъ образомъ отзывается о «печальномъ» положеніи тюремъ въ Россіи: «хотя законъ и даетъ массу предписаній относительно тюремнаго режима, но все эти предписанія остаются мертвой буквой и не могутъ быть проведены въ жизнь, что происходитъ главнымъ образомъ отъ недостатка подходящихъ лицъ для надзора».

Далѣе, въ моемъ распоряженіи находится циркуляръ, разосланный 25 августа 1885 г. однимъ изъ губернаторовъ «тюремнымъ комитетамъ, городскимъ полицейскимъ управленіямъ, уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ и тюремной администра-

¹⁾ Директоръ дома предварительнаго заключенія, одной изъ крупныхъ и важнѣйшихъ тюремъ въ Россіи, получаетъ квартиру, содержаніе и 1800 руб. въ годъ жалованья. Его помощникъ получаетъ всего 800 рублей. Смотритель петербургской пересыльной тюрьмы получаетъ всего 700 руб. въ годъ, а его помощникъ 400 рублей. Содержаніе смотрителей провинціальныхъ тюремъ еще ничтожнѣе. (См. отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1889 г.).

ція». Въ этомъ циркулярѣ обращается вниманіе на то, что въ провинціальныхъ тюрьмахъ практикуются «различныя нарушенія закона съ хладнокровіемъ, заставляющимъ предположить, что чиновники, совершающіе ихъ или спокойно на нихъ взирающіе, не сознають всей незаконности такого образа дѣйствій».

Въ длинномъ перечнѣ безпорядковъ, которые указываетъ губернаторъ, содержатся между прочимъ слѣдующіе: тайныя условія, заключаемыя тюремнымъ начальствомъ съ поставщиками, которые, конечно, могутъ, благодаря этому, поставлять для заключенныхъ пищу и одежду худшаго качества, чѣмъ предписано закономъ, причемъ прибыль, получающаяся отъ этого, дѣлится между чиновникомъ и поставщикомъ; выписка пищевого довольствія и одежды для тѣхъ арестантовъ, которые уже умерли, бѣжали изъ заключенія или отбыли свой срокъ, и продажа этихъ предметовъ тюремными чиновниками въ свою пользу; оставленіе арестованныхъ на свободѣ, чтобы они могли заниматься частной работой, доходомъ съ которой они дѣлятся съ надзирателями; отсутствіе веденія штрафныхъ журналовъ; тѣлесныя наказанія, налагаемыя надзирателями безъ вѣдома и разрѣшенія исправника или полиціймейстера.

Уже изъ бѣглаго просмотра циркуляра видно, что управленіе провинціальными тюрьмами находится въ вѣдѣніи по крайней мѣрѣ семи различныхъ лицъ и учреждений: тюремнаго начальства, тюремнаго попечительнаго комитета, городского и уѣзднаго полицейскихъ управленій, тюремнаго распорядительнаго комитета, исправника и губернатора. Но число ихъ далеко не исчерпывается приведеннымъ спискомъ; къ нему нужно прибавить: прокурорскій надзоръ, городское управленіе, генераль-губернатора, главное тюремное управленіе въ Петербургѣ и, наконецъ, министра внутреннихъ дѣлъ. Изъ приведеннаго выше циркуляра видно, что, несмотря на такой бдительный надзоръ и чрезмѣрный «контроль», всетаки постоянно наблюдаются всевозможныя нарушенія закона.

Правда, въ тюрьмахъ, специально предназначенныхъ для политическихъ преступниковъ, царитъ меньше безпорядка и произвола, чѣмъ въ провинціальныхъ; но всетаки и здѣсь капризы начальства

и вліяння времени имѣють гораздо большее значеніе, чѣмъ предписанія закона. Законъ только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ можно сократитъ усмотрѣніе вышшаго начальства, которое склонно разсматривать, свои прихоти стоящими выше всякаго закона. Прокуроръ, въ родѣ Стрѣльникова, или жандармъ, въ родѣ Мезенцева, для того, чтобы вынудить у обвиняемаго сознаніе, которое могло бы облегчить арестъ его сообщниковъ, не останавливаются ни передъ какими запрещеніями закона и переходятъ всякія границы, изыскивая для этого средства. Для достиженія цѣли—подобный ретивый чиновникъ ни на минуту не усумнится прибѣгнуть къ самымъ гнуснымъ средствамъ, ожесточающимъ заключенныхъ и лежащимъ тяжкимъ позоромъ на допускающее ихъ правительство.

Обращеніе съ политическими заключенными зависитъ также не мало отъ расположенія духа чиновниковъ, въ свою очередь зависящаго отъ всевозможныхъ обстоятельствъ. За всякимъ насильственнымъ дѣйствіемъ революціонеровъ, находящихся еще на свободѣ, слѣдуетъ усиленіе строгостей и увеличеніе грубости въ режимѣ ихъ заключенныхъ товарищей. Такимъ образомъ происходитъ то, что сегодня надзиратель, раздраженный успѣхомъ революціонеровъ срываетъ свой гнѣвъ на заключенныхъ, находящихся въ его власти, завтра же, успокоенный видимой покорностью или обрадованный установленіемъ кажущагося порядка, смягчаетъ чрезмѣрныя строгости тюремнаго режима. Естественнымъ послѣдствіемъ такого систематическаго пренебреженія къ требованіямъ закона, благодаря усмотрѣнію и произволу властей, является полное отсутствіе какого-либо цѣлесообразнаго и осмысленнаго тюремнаго режима. Обращеніе съ арестованными зависитъ не отъ закона, а отъ прокурора или жандарма; сверхъ того вліяють и такія условія, которыя съ заключенными, собственно говоря, не имѣють ничего общаго.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію повседневной жизни русскаго революціонера въ тюрьмѣ, я хочу обратитъ вниманіе читателя на три обстоятельства, которыя находятся въ тѣсной связи съ тюремной жизнью и оказываютъ большое вліяніе на режимъ. Эти обстоятельства, подробному изложенію которыхъ посвящена остальная часть предлагаемаго сочиненія, слѣдующія:

1) арестъ всѣхъ безъ разбора для наведенія страха и въ надеждѣ, что такимъ путемъ удастся дойти до корней революціоннаго движенія; 2) широкое примѣненіе заключенія въ карцеръ въ видѣ пытки, чтобы принудить заключенныхъ къ признанію и выдачѣ товарищей; 3) незаконное содержаніе въ теченіе мѣсяца или даже года подозрѣваемыхъ въ совершеніи политическаго преступленія въ одиночномъ заключеніи, пока полиція по всей Россіи собираетъ улики для предъявленія формальнаго обвиненія. Эти приемы очень часто примѣняются въ Россіи и ничто не можетъ болѣе нихъ способствовать тому, что тлѣющее пламя недовольства противъ правительства разгорится, наконецъ, въ огромный пожаръ.

Говоря объ арестахъ «безъ разбора», я, понятно, не хочу сказать, что русская полиція, какъ рыкающій левъ, рыскаетъ по улицамъ и хватаетъ всѣхъ попадающихся ей на пути. Аресты политическихъ преступниковъ, весьма многочисленные и произвольные, производятся постоянно только среди одного класса населенія, носящаго на официальномъ языкѣ названіе «неблагонадежныхъ». Это названіе русскимъ правительствомъ прилагается ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, политическія воззрѣнія коихъ не подходятъ къ существующему строю, образъ жизни которыхъ поэтому является достойнымъ объектомъ для полицейскаго надзора. Само собою понятно, что невозможно имѣть никакихъ точныхъ статистическихъ данныхъ о классѣ «неблагонадежныхъ», но мнѣ всетаки извѣстно, что въ 1880 г. число лицъ, находившихся подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, равнялось 2837, и что они были разсѣяны по всей Россіи: въ Петербургѣ ихъ было 273, въ Москвѣ—101, Казу—315, Рязани—255, Твери—198, Костромѣ—165, Архангельскѣ—96, въ другихъ губерніяхъ—1434, итого 2837.

Находящіеся подъ гласнымъ надзоромъ составляютъ, впрочемъ, сравнительно небольшую часть неблагонадежныхъ. Это въ большинствѣ случаевъ такія лица, которыя высланы въ другія губерніи для того, чтобы порвать ихъ связи съ мѣстнымъ обществомъ; въ мѣстѣ высылки, черезъ извѣстные промежутки времени, они подвергаются контролю полиціи въ своихъ квартирахъ. Тысячи другихъ лицъ, не подвергшихся высылкѣ, находятся подъ тай-

нымъ надзоромъ полиціи и, наконецъ, тысячи же лицъ занесены въ секретныя полицейскіе и жандармскіе списки въ качествѣ «подозрительныхъ». Лишь только въ какомъ нибудь городѣ дѣятели революціонной партіи проявятъ себя чѣмъ-нибудь активнымъ или до свѣдѣнія полиціи дойдетъ о готовящейся «демонстраціи» или о чемъ-либо подобномъ, то полиція сейчасъ же начинаетъ хватать «неблагонадежныхъ», живущихъ въ этомъ же городѣ или губерніи, и сажаетъ всѣхъ въ тюрьму, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ, для того, чтобы впослѣдствіи выбрать изъ нихъ нѣсколькихъ лицъ по своему усмотрѣнію. Генералъ Стрѣльниковъ, командированный Государемъ съ неограниченными полномочіями для подавленія возстанія въ Южной Россіи, пробывъ въ теченіе трехъ дней въ Одессѣ, арестовалъ и заключилъ въ тюрьму 118 человекъ. Затѣмъ онъ отправился въ Кіевъ, гдѣ тотчасъ-же приказалъ арестовать 89 лицъ; далѣе послѣдовали аресты многихъ сотъ лицъ въ Харьковѣ, Николаевѣ, Полтавѣ, Курскѣ и другихъ городахъ Южной Россіи. Ни одинъ изъ этихъ арестовъ не былъ произведенъ по такъ называемому «основательному подозрѣнію», но единственно съ цѣлью открытія заговора, который, по мнѣнію полиціи, безусловно существовалъ, но нити котораго все время ускользали изъ ея рукъ.

Многіе изъ арестованныхъ были почти дѣти—юноши и дѣвушки 15—17 лѣтъ,—взятые, конечно, не изъ за того, что они представляли какую-либо опасность для государства, но въ предположеніи, что они, какъ хорошо освѣдомленные обо всемъ, расскажутъ все, что знаютъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ революціонеровъ.

Планъ генерала Стрѣльникова состоялъ въ томъ, чтобы, захвативъ одновременно массу лицъ, считавшихся неблагонадежными, продержать ихъ въ строгомъ одиночномъ заключеніи дней 10—14, а затѣмъ подвергнуть перекрестному допросу, въ надеждѣ добиться у нихъ признанія, хотя бы изъ отдѣльныхъ словъ, которыя потомъ можно будетъ соединить вмѣстѣ на подобіе географической карты, и такимъ образомъ узнать весь планъ дѣйствія революціонеровъ. Если, напримѣръ, какая-нибудь дѣвушка принадлежала къ «неблагонадежной» семьѣ и если уда-

лось перехватить отъ нея «подозрительное письмо»; если удавалось замѣтить, что она поздно вечеромъ выходила изъ «подозрительнаго» дома, то полиція немедленно же арестовывала ее (это происходило обыкновенно ночью), затѣмъ сажала въ закрытую карету и отвозила въ Одесскую тюрьму, гдѣ ее заключали въ одиночную камеру, оставляя наединѣ съ тяжелыми душевными страданіями. Она не получала никакихъ объясненій всего происшедшаго съ нею и если обращалась на дворѣ съ вопросомъ къ караулу, то въ отвѣтъ слышала только: «не приказано разговаривать».

Можно себѣ представить то впечатлѣніе, которое это насильственное переселеніе изъ собственной уютной и спокойной спальни въ узкую темную камеру тюрьмы, предназначенной для уголовныхъ преступниковъ, должно было произвести на воспріимчивую душу молодой неопытной дѣвушки, особенно въ виду того, что все это происходило, по общему правилу, ночью. Если даже принять, что это была отважная и рѣшительная барышня, то все-таки ея самообладаніе должно было сильно податься подъ вліяніемъ всего происшедшаго. Звуки, нарушающіе ночную тишину русской тюрьмы—мѣрные шаги караула, подавленные вопли, пронзительные крики пьяныхъ бродягъ, хлопаніе тяжелыхъ дверей, рыданія и пьяная икота другихъ арестантовъ, сидящихъ въ сосѣднихъ камерахъ, внезапное появленіе время отъ времени въ дверномъ окошечкѣ, служащемъ для наблюденія за заключенными, незнакомаго мужского лица—все это не позволяло на всю жизнь забыть о первой ночи, проведенной въ тюрьмѣ. Но это все еще лишь начало испытаній, которымъ должны подвергнуться ея мужество и рѣшительность. Проходитъ день, два, три, десять... Никакихъ извѣстій, никакого понятія объ обвиненіи, возбужденномъ противъ нея! Дважды въ день молчаливый караульщикъ подаетъ ей черезъ окошечко пищу, что служитъ единственнымъ событіемъ, прерывающимъ томительное одиночество. Книгъ не даютъ, письменныхъ принадлежностей нѣтъ, какъ нѣтъ и вообще ничего, что могло бы дать иное направленіе ея мыслямъ, что могло бы смягчить страшное, почти невыносимое возбужденіе. Подъ вліяніемъ отчаянія и неизвѣстности, мечется она безпокойно по камерѣ, пока, наконецъ, обез-

силенная, не падаетъ на узкую тюремную постель и не находить во снѣ забвенія.

Наконецъ, недѣли черезъ двѣ послѣ ареста, когда можно думать, что одиночное заключеніе и горе сломили уже ея силу воли, ее призываютъ на «допросъ». Допросъ производится не слѣдователемъ, а самимъ генераломъ Стрѣльниковымъ и притомъ безъ свидѣтелей. Онъ прежде всего предупреждаетъ ее, что она обвиняется въ тяжкомъ преступленіи на основаніи такихъ-то статей закона и что ей грозитъ многолѣтняя ссылка въ Сибирь. Но, принимая во вниманіе ея молодость, а также то, что она, вѣроятно, была вовлечена въ преступленіе своими друзьями-революціонерами, онъ обѣщаетъ ей дать тотчасъ же полную свободу, если она принесетъ чистосердечное раскаяніе, дастъ обѣщаніе исправиться и откровенно сознается, отвѣтивъ съ полной искренностью на всѣ предложенные вопросы. Въ случаѣ же упорства, она покажетъ себя недостойной снисхожденія, и онъ, какъ представитель власти, долженъ будетъ примѣнить всю строгость законовъ.

Несчастливая хорошо знаетъ, что указаніе на ссылку въ Сибирь не является пустой угрозой. Въ своей неблагонадежной семьѣ она часто слышала о Маріи Присѣцкой, 16-и лѣтней дѣвушкѣ, сосланной въ Сибирь за то, что она отказалась предать свою старшую сестру; затѣмъ объ Ивичевичахъ, сестрѣ 17 лѣтъ и братѣ 14 лѣтъ, которые были арестованы въ Кіевѣ въ 1879 г. и сосланы въ Сибирь единственно за то, что ихъ старшіе братья были революціонерами и оказали вооруженное сопротивленіе при арестѣ ¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, если молодая

¹⁾ Ив. Макс. Присѣцкій—богатый землевладѣлецъ въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Его вѣрнопопанинскія чувства не подвергались никакому сомнѣнію, но всѣ дѣти его—три дочери и сынъ—были сосланы въ Сибирь за политическія преступленія. Двѣ дочери живутъ въ Семипалатинскѣ; третья находится въ каторжной тюрьмѣ на Карійскихъ рудникахъ, а сынъ водворенъ недавно въ селеніи Тунка, Иркутской губерніи, близъ монгольской границы. Мнѣ пришлось познакомиться съ троими изъ нихъ во время послѣдняго путешествія по Сибири и всѣ произвели на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Едва ли можно найти болѣе образованныхъ, воспитанныхъ и пріятныхъ молодыхъ людей, чѣмъ они.

Ивичевичи—сестра 17 лѣтъ и братъ 14 лѣтъ, были сосланы въ Киренскъ, уѣздный городъ Иркутской губер., въ 4,500 километрахъ къ востоку отъ Петербурга.

дѣвушка, вырванная такимъ образомъ изъ своей среды, обезсиленная одиночнымъ заключеніемъ, безъ адвоката, безъ знанія закона, безъ помощи дружеской руки, подъ вліяніемъ, конечно, ужасной душевной боли, наконецъ, сдается и признается слѣдователю во всемъ, что знаетъ. Она сейчасъ же освобождается изъ подъ ареста, но для того, чтобы испытать новыя мученія. Ея лучшія друзья, члены ея семейства, арестованы, заключены въ тюрьму и затѣмъ сосланы въ Сибирь, и ее всю жизнь мучать горькіе упреки и сознаніе, что своимъ признаніемъ она причинила имъ такое несчастіе. Однако, очень часто также случается, что дѣвушка остается твердой и даже послѣ мѣсячнаго одиночнаго заключенія отказывается отвѣчать на предлагаемые вопросы. Въ такихъ случаяхъ полиція придумываетъ еще болѣе гнусныя «хитрости».

Въ 1884 г. въ Одессѣ по обвиненію въ революціонной пропагандѣ была арестована 18-ти лѣтняя дочь мѣстнаго купца, Марія Калужная, заключена въ тюрьму и подвергнута вышеупомянутому режиму. Она имѣла достаточно мужества и характера, чтобы въ теченіе цѣлаго мѣсяца противостоять всѣмъ попыткамъ, путемъ убѣжденій и угрозъ, добиться отъ нея признанія и выдачи друзей. Наконецъ, жандармскій полковникъ Катанскій добился этого, показавъ ей подложное письмо, якобы содержащее признаніе ея товарищей. Между тѣмъ, письмо это было составлено самими жандармами и въ немъ были хитро использованы всѣ отрывочныя свѣдѣнія, полученныя отъ шпіоновъ. Оно должно было заставить Калужную сдѣлать признанія, уличающія ея друзей, томившихся въ тюрьмѣ въ ожиданіи разслѣдованія дѣла о возводимыхъ на нихъ тяжкихъ обвиненіяхъ. Съ жестокимъ лицемеріемъ полковникъ Катанскій сказалъ ей, что пришелъ къ ней не въ качествѣ жандарма, но какъ другъ; что онъ пришелъ къ ней лишь съ цѣлью показать ей признаніе ея друзей, чтобы дать ей возможность спасти себя, пока еще есть время. Она не можетъ уже болѣе принести пользу своимъ друзьямъ, такъ какъ они уже сами признались въ своей винѣ, и лишь погубить себя, если будетъ и дальше упорствовать въ отказѣ отвѣчать на предлагаемые вопросы. По отношенію къ ней самой не существуетъ какого-либо тяжкаго обвиненія и немедленному ея